

ОТЗЫВ

официального оппонента
о диссертации И.С. Якубовича

«Статус лувийского языка в многонациональной Анатолии бронзового века: опыт социолингвистической реконструкции»,
представленной на соискание учёной степени доктора филологических наук по специальности 10.02.20 — сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Диссертация И.С. Якубовича и её защита — явление весьма нерядовое в отечественной науке. Во-первых, на рассмотрение Диссертационного совета представлено исследование, заслужившее достаточно широкое признание в мире. Английская версия работы диссертанта была четырежды отрецензирована, в том числе таким корифеем анатолистики, как Норберт Эттингер. Автор известен как один из ведущих специалистов по лувийскому языку, организатор конференций, составитель сборников на эту тему (хотя его научные интересы шире: И.С. — автор работ по санскриту, иранским языкам, в частности, согдийскому; семитским языкам, в частности, арамейскому). Его выводами пользуется один из крупнейших в мире исследователь анатолийских языков руководитель Индоевропейской программы Университета Лос-Анджелеса (UCLA) Крейг Мельчерт; наш диссертант с успехом сотрудничает с другим виднейшим анатолистом, директором Института сравнительного языкознания и кельтологии Филиппс-Университета Марбурга Элизабет Рикен. Таким образом, учёный, составивший себе имя в мире, сегодня подтверждает свою квалификацию и в России.

Во-вторых, лувийский язык довольно мало известен в нашей стране. Кроме нескольких небольших работ Вяч.Вс. Иванова и переводных трудов (по инициативе того же Вяч.Вс. Иванова), по нему почти ничего не опубликовано; недавние же материалы (статьи в выпуске «Языки мира» и в журнале «Вопросы языкового родства») принадлежат перу именно нашего диссертанта. Можно утверждать: подобно тому, как 60 лет назад упоминавшийся Иванов сделал хеттский язык доступным для российских исследователей, так и И.С. Якубович вводит близкородственный хеттскому лувийский язык в кругозор современных российских индоевропейцев. Это большое достоинство, но это же налагает определённые требования (о чём мы скажем несколько ниже).

Работа И.С. Якубовича отличается широтой охвата проблем. Для того, чтобы определить статус лувийского языка, диссертант исследует лингвистические особенности различных документов с целью поиска в них диалектных различий, историю Новохеттского царства, где, по мнению большинства исследователей, хеттский язык использовался как язык государственной канцелярии и культа, а население говорило по-лувийски. Также привлекаются данные ономастики, топонимики; автор рассматривает историю не только лувийцев, но и близкородственных им народов: ликийцев (которых он, вслед за К. Мельчертом, объединяет вместе с лувийцами и карий-

цами в единую лувическую группу¹), лидийцев. Показано взаимодействие лувийского и хеттского языка в Новохеттском царстве: лексические, и что особенно интересно, грамматические лувизмы в хеттском данного периода. Предложена классификация лувийских диалектов, поставлен вопрос о происхождении лувийской иероглифической письменности.

Автор полагает, что им открыта новая область языкознания на стыке общего и сравнительно-исторического: палеосоциолингвистика. никоим образом не оспаривая новизна идей И.С. Якубовича и обилия исследованных им материалов (большая часть которых впервые упоминаются в российской публикации), сделаем терминологическое уточнение. Социолингвистические исследования в диахронии достаточно хорошо известны. Если называть первопроходцев, то это, очевидно, Уриэль Вайнрайх (который из-за ранней смерти не успел написать обобщающую работу на эту тему), Вильям Лабов и В.К. Журавлёв. Именно они показали, как меняется язык под влиянием социальных факторов. И второй том фундаментального труда Лабова именуется: *Principles of language change: Outer factors* (Oxford: OUP, 2000). Исследование истории языка по языковым реликтам было впервые предпринято П. Кречмером (*Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache*. Göttingen, 1896), где рассматривался обширный пласт субстратной лексики греческого языка. Ученик Кречмера В.И. Георгиев постарался выявить основные фонетические законы греческого субстрата и показал вероятность существования цельного идиома — пеласгского языка. Тем самым было положено начало социолингвистической реконструкции истории древних Балкан: с опорой на лингвистические и археологические данные удалось установить, что индоевропейцы (предки фракийцев и фригийцев) прибыли на Балканы в начале II тысячелетия до н.э., ахейцы — в середине, ионийцы и эолийцы примерно в XIII в., дорийцы — в XII. Таким образом, нельзя сказать, что диссертант открыл принципиально новую науку. Но наработанные методы анализа различных источников он применил весьма успешно, поэтому высказанное замечание никоим образом не означает низкой оценки диссертации. Результаты, полученные автором, впечатляют: в работе представлена, помимо прочего, и диалектная дифференциация лувийского языка — на основании как архаизмов, так и инноваций.

Говоря об особенностях лувийских диалектов, автор рассматривает формирование новых падежных окончаний: номинативов и аккузативов мн.ч., род. п. ед.ч. и т.д. Всё это интересно и показательно. Но, затронув граммему род. п. мн.ч., И.С. полагает, что общеиндоевропейской была только *-om. Наличие хеттских генитивов мн.ч. на *-as объявляется среднехеттской инновацией. Также и знаменитую форму род.п. ед.ч. *arakurone ἀρακυρόν* (*to arakurone tote to tarato τὸ ἀρακυρόν τὸδε τὸν τάλαντον* (Idalion, 7) 'талант того же серебра') автор считает «примером аналогичного выравнивания» и «распростра-

¹ В терминологии Мельчерта — Luvic group vs. Luvian language (*Melchert C. Language // The Luvians/ Ed. C. Melchert. Leiden: Brill, 2003*)

нением показателя род. мн.» (с. 63)². Однако такое утверждение выглядит не-бесспорно. Во-первых, неясна причина, по которой окончание род.п. мн.ч. должно распространяться на единственное число. Падежный синкретизм происходил во многих индоевропейских языках, но в рамках парадигмы одного числа. Во-вторых, окончание **-óm* не имеет характерных признаков флексий множественного числа. Оно относится с аккузативным **-m* так же, как окончание генитива **-é/ós* с номинативным **-s*. В литературе давно утвердилось мнение о том, что генитив **-é/ós* выполнял функции субъектного падежа, **-óm* — объектного. Следов такого распределения не сохранилось ни в одном древнем индоевропейском языке; слияние обеих форм род.п. стало, вероятно, первым примером падежного синкретизма. Но, утратив оппозицию по значению, обе формы приобрели оппозицию по парадигмам: первая распространилась на ед. ч., вторая — на мн.ч., окончания которого находились в стадии становления ко времени отделения анатолийской ветви от общеиндоевропейской. Здесь имеются окончания им.п. *-as* и вин.п. *-us*. Они воспроизводят индоевропейские прототипы **-és* и **-ns* соответственно. Производность их очевидна: первая флексия развилась путём передвижения ударения на флексию с последующей рецессией, но сохранением аблаута (**p^e/d-és* → **p^e/d-es*: др.-инд. *pādas*, греч. *πόδες*, лат. *pedes*); окончание же аккузатива образовано путём присоединения форманта **-s* к флексии ед.ч. **-m*. Этот показатель благодаря пропорции типа **patér*: **patéres* стал восприниматься как показатель мн.ч. (не только в именных, но и местоименных, и глагольных окончаниях). С его помощью образована флексия и инструментал тематических имён **-ōis* (греч. *λύκοις*, др.-инд. *vṛkaiś*, авест. *vəhrkaiś*, лат. *lupis*, ц.-слав. *вълкы*; в анатолийских не засвидетельствована). В целом, как можно видеть, общеиндоевропейская система падежных флексий мн.ч. вторична и стала развиваться незадолго до распада языковой общности. Именно она отражена в анатолийских языках (с развитием вторичных форм, о которых И.С. убедительно говорит). Поэтому есть все основания полагать, что употребление флексии **-om* (хетт. и лув. *-an*) в единственном числе, а *-as* во множественном, отражает не инновацию, а архаическую недифференцированность падежных окончаний по числам. То же относится и к кипрскому окончанию род.п. ед.ч. *-one*³. Надо сказать, что в последнее время в хеттологии стала популярной точка зрения, отрицающая особый архаизм указанных флексий. Так, в новейшей хеттской грамматике Г. Хоффнера и К. Мельчерта⁴ окончание *-an* приписывается только множественному числу; начало же распространения флексии *-as* отнесено к древнехеттскому периоду (но не среднехеттскому, как у И.С. Якубовича). Но подобная хронология не исключает и трактовки данных флексий как архаичных. Приведём неполную таблицу генитивов на *-as* в мн.ч. и *-an* ед.ч.

² Со ссылкой: *Egetmeyer M. Le dialecte grec ancien de Chypre. Berlin: De Gruyter, 2010. P. 390-392*

³ Падежная система греческих диалектов вообще сохраняет много архаизмов: следы различия датива и локатива в критском диалекте, аблатив в дельфийской надписи (*φοῖκω* 'из дома')

⁴ *Hoffner H., Melchert C. A grammar of Hittite language: Part I. Reference grammar, Winona Lake (IN): Eisenbrauns, 2008*

Имя	Родительный падеж мн.ч.	Родительный падеж ед.ч.
<i>ant</i> 'тёплый' (N. com <i>anza</i>)	<i>andas</i>	
<i>antuhsas</i> 'человек'	<i>antuhsas</i>	<i>antuhsas, antuhsan</i>
<i>arahzenas</i> 'чужой, внешний'	<i>arahzenan</i> (Genitiv?)	
^E <i>halentu</i> (разновидность храма)	^E <i>halentuwas, Ehaninduwas</i> (Sg/ Pl?)	
<i>humanza</i> 'весь, целый'	<i>humandas</i>	
<i>hurtais</i> 'проклятье'	<i>hurtias</i>	<i>hurdiias</i>
<i>idalus</i> 'злой'	<i>idalauas</i>	HUL- <i>uwas</i>
<i>Labarna</i> ИС из хатт. 'владыка'		<i>Labarnan</i> (?)
<i>genu</i> 'колени'	<i>genuwas</i>	
<i>lāman</i> 'имя'	SUM ^{HIA} - <i>as</i>	
GİR, GİR- <i>is</i> (* <i>pat-</i>) 'нога'	<i>patān-a</i>	GİR- <i>an</i>
^{LU} <i>salashas</i> 'храмовый служащий'	^{LU.MES} <i>salashas</i>	^{LU} <i>salashas</i>
DINGIR, DINGIR ^{LIM} - <i>us/-as/-is</i> 'бог'	<i>siunas, siunan, DINGIR^{MES}-nas/-nan</i>	<i>siunas; siunan antuhsas</i> 'бож- жий человек; прорицатель'
<i>dalukas</i> 'длинный'	<i>talugas</i>	
<i>dapida</i> 'весь, целый'	<i>dapidas</i>	<i>dapiias</i>
<i>tuikkas</i> 'тело'	<i>tuiggas, tuikkas</i>	NI.TE- <i>as</i>
<i>uatar</i> 'вода'	A.A ^{HIA} - <i>as</i>	<i>uetenas</i>
MU- <i>za</i> (* <i>uizza</i> , < * <i>uet-s</i>) 'год'	<i>uittan, MU^{HIA}-as, MU.KAM.^{HIA}-as</i>	MU.KAM- <i>as</i>
<i>uttar</i> 'слово; дело'	<i>uddanas</i>	<i>uddanas</i>
^{LU} KÜR 'враг'		^{LU} KÜR- <i>an</i> (?)

Весьма подробно И.С. говорит о контактах лувийцев с Западной Анатолией. Вопреки мнению, развиваемому рядом историков, о преобладании лувийцев в этом регионе, он полагает, что этот компонент крайне ограничен; данный регион был заселён лидийцами и ликийцами, родственными, но отнюдь не идентичными лувийцам.

Особый вопрос, вызывающий пристальный интерес исследователей с 40-х гг., — возможные контакты лувийского и греческого, анатолийский компонент в гомеровской (или догомеровской) Трое.

Сведения о контактах греков и анатолийцев возник, очевидно, с начала 30-х гг., когда в хеттских документах было найдено упоминание о стране *Ah-hiiava*, которая была отождествлена с греческими поселениями в Малой Азии. Кроме того, в хеттских клинописях был найден договор Алаксанду, царя города Вилуса, с хеттским царём Муваттали. Вилуса естественно отождествляется с Ἰλιον, *Alaksandu* — с Ἀλέξανδρος (2-е имя царевича Париса, сына троянского царя Приама). Кроме того, упоминается и город *Taruisa*, который естественно сравнивать с греч. Τροία, хотя нигде нет указаний на то, что *Taruisa* и *Vilisa* — это один город. Наоборот, можно утверждать, что они различны, хотя и соседствуют друг с другом, и только Гомер превратил их в единый город. Но эти впечатляющие совпадения имён, безусловно, стимулировали поиск следов анатолийских языков в гомеровской Трое. Наиболее подробно исследования на эту тему представлены в известной (и упомянутой в библиографии) книге покойных Л.А. Гиндина и В.Л. Цымбурского «Гомер и история Восточного Средиземноморья» (с опорой на более ранние работы первого из авторов: «Язык древнейшего населения Балканского полуострова», М., 1967; «Древнейшая ономастика Восточных Балкан: Фрако-хетто-лувийские и фрако-малоазийские изоглоссы», София, 1981; «Население гомеровской Трои», М., 1993). Авторы полагают, что Троя была населена в ос-

новном фракийцами, хотя последние упомянуты в «Илиаде» как племя союзное, но не идентичное троянцам. При этом Л. А. Гиндин пытался выявить, по его собственному выражению, «мощный пласт фрако-анатолийских языковых схождений». Тем самым авторы заявили о наличии в троянской ономастике и значительного анатолийского компонента. Однако, как показал Ю.В. Откупщиков («Догреческий субстрат», Л., 1988), сравнение было произведено не всегда достаточно корректно. Так, имя города Δέλφοι, эолийское Βέλφοι сравнивается с хетт. *Telepinu*, хотя в анлауте греческого имени стоял лабиовеллярный: название города имеет тот же корень, что и греч. δέλφος ‘матка’. Этот и другие примеры позволили Ю.В. Откупщикову заключить, что главный позитивный вывод, следующий из трудов Л.А. Гиндина — отсутствие очевидных фрако-анатолийских изоглосс. Вопрос об этнической принадлежности троянцев приобрёл новый импульс, когда К. Уоткинс сравнил имя царя Приама (Πρίαμος, согласно греческой народной этимологии ‘выкупленный’) с лувийским *P(a)iriya-tiua*, дословно ‘самый сильный’ (отмечу, что Гезихий трактует это имя как βασιλεύς; т.о., перед нами, возможно, изначально нарицательное имя⁵). Тем самым появилась гипотеза о лувийском населении или, по крайней мере, лувийском компоненте гомеровской Трои. Конечно, этот вывод базируется не на одном имени. Так, для имени гомеровского персонажа Ἄσιος Ἐρτακίδης и его отец Ἐρταχος Уоткинс также находит малоазиатские корни: имя сына связано с аккадским *Assuwa*, микенским *asiwijo*, имя отца — с хеттским *hartaga* ‘медведь’. Имя *Парис*, по мнению исследователя, оказалось связано с хетт. *Pari-LU*. И.С. Якубович с полным основанием указывает на то, что «лувийская» этимология этого имени находится в противоречии с этимологией имени *Приам*, т.к. в первом случае имеет место редукция гласного, во втором — нет. Диссертант полагает, что лувийским можно считать только имя Приама. И это вполне справедливо: другие этимологии Уоткинса менее убедительны. Так, хеттскому *hartaga* ‘медведь’ (**h₁rtko-*) в лувийском соответствовало бы имя с -z- по общим закономерностям отражения палатальных заднеязычных (см. *zārt-* ‘сердце’ < **kērd-*⁶). Добавлю, что и соответствие анатолийского #*ha-* и греческого #*ū-* выглядит сомнительно. Это имя действительно может отражать индоевропейскую основу, обозначающую медведя, но не в анатолийском варианте. Поиски лувийского компонента в Трое нашли крайнее выражение в монографии Й. Латача⁷, объявившего Трояду лувийским государством. Позиция И.С. Якубовича на этом фоне отличается разумной сдержанностью: при имеющемся количестве информации просто невозможно судить об этнической принадлежности троянцев, и лувийский компонент подкреплён только одним примером. Он свидетельствует о возможном контакте лувийских государств с Троей — но не бо-

⁵ Старые этимологи трактовали его как порядковое числительное ‘первый’ иллирийского (Г. Краэ) или лийского (П. Мериджи) происхождения.

⁶ Melchert C. Anatolian historical phonology. Amsterdam, 1994: 251. Правда, в этом примере палатализация может объясняться последующей гласной переднего ряда.

⁷ Latasz J. Troy and Homer: Towards to solution of an old mystery. Oxford, 2004

лее того. И этимология собственного имени далеко не всегда свидетельствует об этнической и языковой принадлежности его носителя.

Но, как бы мы ни оценивали результаты исследования Трои, они не отрицают проблемы греко-анатолийских контактов. А в существовании таковых сомневаться не приходится. И.С. отвергает сопоставление лувийской частицы *tar* с греч. τ'άρ, τ'άρα, отдавая предпочтение традиционной гипотезе: τ'άρ из τε άρα (с. 178-183). Действительно, некоторое функциональное сходство в употреблении этих частиц объясняется только общими тенденциями функционирования клитик в индоевропейских языках. Такую же функциональную параллель можно видеть в хетт. *kit-kar* 'перед' (дословно 'у головы') и греч. ἐπι κάρ, ἀνά κάρ⁸, где в клитику превратился знаменательный корень. Эти сходжения не свидетельствуют ни об ареальной, ни об особой генетической близости языков, а только об общем праязыковом наследии.

Но автор полагает возможным нахождение в греческом слове лувийского происхождения Так, имя крылатого коня Πήγασος, о котором в «Теогонии» Гесиода (286) сказано, что он подносит Зевсу молнию с громом, выводится из имени лувийского бога грома и молнии *pihassass(i)*⁹. Однако, во-первых, с учётом дорийского Πάγασος, сопоставление фонетически небезупречно. Во-вторых, существуют и иные этимологии: данное имя так же произведено от греч. πηγή 'источник', как κόμπασος 'шумный' от κόμπος 'шум', μέδυσος 'пьяный' — μέδυ 'мёд, хмель': Пегас — создатель источника 'Ἴπποκρήνη ('конский ручей') на вершине Геликона. Другие этимологии связывают это имя с прилагательным πηγός 'прочный, крепкий' (ἵππους πηγούς— II. IX 124). Оно же может быть связано с глаголом πήγνυμι 'вбивать'. Это уводит нас к мифу о происхождении Пегаса: из рассечённого Персеем тела Медузы (Гесиод) или из рассечённого Беллерофонтом тела Химеры (Пиндар (Олимп, 13), Еврипид). И.С. Якубович приводит и другие возможные анатолийские заимствования из хеттского, отмечая минимальное количество собственно лувизмов. Так, греч. δέπας, микен. *dipa* может происходить из лув. *tappas* < **neb^{ho}/es-*, со своеобразным семантическим переходом «небо» > «чаша». Он характерен и для хетт. *peris*, — не только 'небо', но и 'ритуальный объект из металла'. При определённой натянутости этой параллели она вызывает интерес. Происхождение греч. ἰχώρ 'кровь' из хетт. *eshar* считается доказанным, как и βύρσα 'кожа, шкура; сумка' из *kursa* 'кожа; охотничья сумка'; греч. κύανος 'лазурит, тёмно-серый металл' иногда считается «заимствованием из неизвестного языка». Автор же выводит его из хетт. *kuwanna(n)* 'медная руда', отмечая также дальнейшее родство хеттского имени с лит. *švīnas* (следовательно, и русск. *свинец*). Но и греческое имя может отражать индоевропейский прототип, а не быть заимствованием. Так что этот пример остаётся под вопросом. К этимологизации же названия лесбосского города Μυτιλήνη из лувийского имени собственного *Muwattali* И.С. Якубович относится с заслуженным скепсисом. Даже если учесть, что данное имя обозначает имя не только царя,

⁸ Neu E. Studien zum endungslosen "Lokativ" des Hethitischen. Innsbruck 1992. S. 26-28

⁹ Со ссылкой на работу: Hutter M. Aspects of Luwian religion // The Luwians/ ed. C. Melchert, Leiden: Brill, 2003

но и божества, а как прилагательное — «сильный» (*muuattali* — Ableitung aus luwischen *muṣa-* “Kraft(?)”, luw. *muṣattal(l)i*, h.-h. *muṣatali* “stark, mächtig” — Friedrich), греческое имя едва ли с ним связано. Скорее оно происходит от названия рыбы *μῦτις* или от имени собственного *Μῦτις*, которое не имеет отношения к лувийско-хеттскому *Muwattali*, а означает ‘немой’. Возможно, я уделил слишком много внимания греко-анатолийским связям, не являющимся главным предметом диссертации. Но специфика сравнительно-исторических штудий такова, что специалист по отдельным языковым группам рассматривает работу с точки зрения своей специальности. И филологу-классику прежде всего важно: что исследование по анатолистике даёт для истории древнегреческого языка, коль скоро в ней затронут вопрос о греко-анатолийских отношениях?

Касаясь влияния лувийского на хеттский, И.С. отмечает, что возвратная клитика *-za* развилась под лувийским влиянием (в настоящее время она выводится из праиндоевропейского безударного местоимения **toi*, которое должно было в праанатолийский период перейти в **ti > *ti̯ > -z-*). Характеризуя лувийскую частицу, диссертант отмечает, что она может переводить стативные глаголы в предельные (со ссылкой на литературу, посвящённую данной частице). Наверное, справедливо было бы упомянуть работу Кэрл Джастес, которая первая подробно исследовала функцию частицы *za*. Она выражала не только возвратность, но и ориентацию на субъект, интенциональность; К. Джастес описала и то, что И.С. именуется переходом в предельность (*sakki* ‘знать’ vs. *sakki za* ‘признавать’) ¹⁰. Джастес полагала, что такое развитие значений — универсальное свойство возвратных частиц (что действительно так), а И.С. связывает его с лувийским влиянием. Возможно, правы оба: суб- и адстратное влияние часто катализирует внутренние процессы языкового развития.

Это и другие примеры грамматических заимствований из лувийского в хеттский, приведённые в диссертации, чрезвычайно интересны. Как известно, заимствования в словоизменительной морфологии редки; можно указать окончание 3 л. ед.ч. *-s* в английском (фиксируется в северных диалектах с XII в., в центральных с XIV), пришедшее из древнескандинавского. Такие явления свидетельствуют о том, что контактирующие языки были а) близкородственны друг другу — вплоть до возможности взаимопонимания, б) их носители были по сути двуязычны. В таких условиях возможно создание своего рода гибридного языка, типа того, что на востоке Украины получило наименование «суржик». Материалы И.С. показывают, что подобная же лингвистическая ситуация имела место и в Новохеттском царстве. Помимо англо-скандинавского койне И.С. ссылается также на языковую ситуацию в древней Руси, где новгородские диалекты слились с иными и сформировали древнерусский язык.

¹⁰ *Justus C. Direction in Indo-European etymology with special reference to grammatical category // Perspectives in historical linguistics/ ed. by W.P. Lehmann, Y. Malkiel. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1982*

Более частные замечания сводятся к следующему. Принимая во внимание то, что лувийский язык впервые так подробно описывается в русскоязычной литературе, следовало бы более подробно рассказать об источниках: перечислить основные издания лувийских текстов, изложить в хронологическом порядке основные исторические сведения. Этому целесообразно посвятить специальный раздел.

В целом мы можем утверждать, что диссертация И.С. Якубовича представляет собой цельное самостоятельное исследование, открывающее новое направление в языковом и историческом изучении древней Анатолии.

Автореферат и публикации соответствуют содержанию диссертации. Диссертация соответствует пп. 9, 10 положения о присуждении учёных степеней. На основании параграфа 7 Положения о присуждении учёных степеней и учитывая всё сказанное выше, можно утверждать, что научно-квалификационная работа И.С. Якубовича заслуживает присуждения её автору искомой учёной степени доктора филологических наук по специальности 10.02.20 — сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Доктор филологических наук,
зав. Сектором общей компаративистики
ФГБУН Институт языкознания РАН

К.Г. Красухин

Сведения об оппоненте

диссертационной работы **Якубовича Ильи Сергеевича**
на тему «Статус лувийского языка в многонациональной Анатолии бронзового века: опыт социолингвистической реконструкции», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание – 10.02.20»

Фамилия Имя Отчество составителя отзыва	Красухин Константин Геннадьевич
Шифр и наименование специальностей, по которым защищена докторская диссертация	10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание
Ученая степень и отрасль науки	Доктор филологических наук
Ученое звание	-
Полное наименование организации, являющейся основным местом работы	ФГБУН Институт языкознания РАН
Занимаемая должность	заведующий сектором
Почтовый индекс, адрес	125009, Москва, Б. Кисловский пер, 1.12, стр. 1
Телефон	8-495-691-65-33
Адрес электронной почты	krasukh@mail.ru
Список основных публикаций по теме диссертации (желательно за последние 5 лет).	<ol style="list-style-type: none"> 1. Рец. на кн.: Dagmar Wodtko, Britta Irslinger, Carolin Schneider Nomina im indogermanischen Lexikon. // Вопросы языкознания, 2010, № 2** 2. Universaltendenzen in der Entwicklung des Aspekt-Tempus-Systems (Aspekt und Zeitdauer) // Indogermanistik und Linguistik:/ hgg. Thomas Kritsch & Thomas Olander. Wiesbaden: Ludwig Reichelt Verlag, 2011 (0,7 а.л.) 3. Der Konjunktiv aus historischer und typologischer Sicht// Sprachgeschichte und Typologie/ Hgg. Michail Kotin, Elisaveta Kotorova. Heidelberg: Carl Winter, 2011 4. Indo-European conjugation: History and Pre-History // The Indo-European Verb: / Ed. Craig Melchert. Wiesbaden: Ludwig Reichert, 2012. 5. Philologica parerga: Статьи по этимологии и теории культуры. М.: Языки славянских культур, 2015 (32 а.л.,)

Верно

Должность и место работы лица, заверяющего сведения

« 28 » января 2016 г.

М.П.

Фамилия И.О.

Балашова И.Г.